

Н. УГОВСКИЙ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

(Рассказ)

Фёдор Семёнович Лысов, секретарь райкома по зоне Кожановской МТС, уже минут пятнадцать выяснявший по телефону у директора станции положение с подъёмом паров, наконец, не выдержал, бросил трубку и с измученным видом откинулся на спинку старенького, жалобно скрипевшего под его тяжестью кресла.

— Бюрократ! — безнадёжно сказал Фёдор Семёнович по адресу директора и перевёл дух; затем резко повернулся к Сергею, и тому показалось, что кресло сейчас развалится — таким душераздирающим был его скрип. — Я ему одно, он мне — другое. Вот вытащим на бюро, тогда иначе за пойт. До каких пор он намерен плестись в хвосте? Позор!

— Он, кажется, просил вас приехать, разобраться на месте. — вставил Сергей. — Действительно, некоторым колхозам запланировали под распашку сплошные кустарники, а то и болотистые низины, требующие предварительной осушки.

— Но план-то с нас потребуют, так? И ты думаешь, у меня в голове одни пары? Через три дня бюро, слушается мой отчёт об агитационно-массовой работе. А я ничего понять не могу в этих справках. — Лысов кивнул на разбросанные по столу бумаги. — Кстати, почему ты показываешь всего двенадцать агитаторов? Это на два колхоза? По-моему, там числилось не меньше тридцати.

— Вот именно — числилось, — усмехнулся Сергей. — Я показал только тех, кто ведёт работу.

— Ладно, разберёмся после, — нахмурился Лысов. — Я вызвал тебя не за этим. Председателя в «Ниве» реше-

но снять, слыхал? Бездельник и к тому же заворовался. Жалобы сыплются со всех сторон.

— Да, колхозники им возмущены, — подтвердил Сергей. Он только теперь догадался, какое поручение ему предстоит, и сразу насторожился. Ещё позавчера, когда он беседовал с колхозниками, у него пытались осторожно выведать насчёт новой кандидатуры, но Сергей работал инструктором всего месяц и не знал, кого порекомендовать им в председатели. Припомнились ему и рассказы о некоем Ермакове, заведующем подсобным хозяйством мебельной фабрики. Выяснилось, что Ермаков был «из здешних», хозяйство его находилось по соседству с колхозом, и что ведёт он это хозяйство умело. Сергей видел, что о Ермакове ему рассказывали не без тайного умысла, и решил поближе познакомиться с ним. Вызов в райком изменил его маршрут. Сейчас Сергей подумал: «Наверное, о Ермакове пойдёт речь. Досадно, что я не успел с ним познакомиться».

Лысов потянулся за папиросой, и опять кресло возмущённо скрипнуло, словно ему хотелось освободиться от постоянной тяжести и немного отдохнуть.

— Так вот, кандидатуру я подобрал, — небрежно, тоном человека, которому уже давно приходится «подбирать» людей на всевозможные должности, проговорил Лысов. — Известный здесь человек и вообще... Мы с ним вместе начинали в районе работать. Юрьевич Платон, слыхал? Заведующий конторой «Заготлён».

— А я думал, вы Ермакова назовёте, — недоуменно сказал Сергей.

— Какого Ермакова? С мебельной фабрики, что ли? Нет, о нём разговора не было. Райком и райисполком будут рекомендовать Юревича, это решено. Я уже дал команду: завтра в колхозе общее собрание. С Юрьевичем поедешь ты и заместитель председателя райисполкома. Разумеется, я поехал бы сам, но, понимаешь, надо готовиться к бюро. Юрьевич должен быть избран, такова установка. Понятно?

— Да, но я совсем его не знаю...

— Зато мы его знаем, товарищ Орехов, — веско перебил Лысов.

— А колхозники? Они-то, по крайней мере, слыхали о нём?

— Не только, брат, слыхали, но с пелёнок знают. Он ведь и уроженец тамошний, у него, кажется, и сейчас тёща в колхозе живёт. Конечно, на собрании могут быть всякие

мнения, на всех не угодишь. Тут уж от вас всё зависит. Действуйте посмелее. И помните: Юрьевич должен быть избран...

* * *

Юревича в тот день Сергей так и не нашёл. Оказывается, он и заместитель председателя райисполкома уже уехали в колхоз «прощупывать почву». Сергея смущало, что он ничего не знает о человеке, которого должен рекомендовать колхозникам, и своё чувство неуверенности в успехе он приписывал этой неосведомлённости. Впрочем, вскоре Сергей сумел подавить это чувство, внушив себе, что рекомендовать Юревича он будет от имени райкома, а у райкома, безусловно, были веские основания остановить свой выбор на этом человеке. Всё-таки Сергею хотелось разузнать что-либо из биографии Юревича, ибо неопределённая характеристика Лысова — «мы с ним вместе начинали в районе работать» — никоим образом не раскрывала его деловых качеств. Было бы куда лучше, если бы на собрание поехал сам Фёдор Семёнович, но, его вообще часто задерживают в райкоме важные дела. Как будто избрание нового председателя — второстепенное дело! Ведь работать-то с ним придётся тому же Лысову. Хотя, нет, больше всего сталкиваться с Юревичем доведётся самому Сергею, а он даже не знаком с ним. Утешало то, что Юревича знали колхозники, а Сергей доверял им, пожалуй, больше, чем самому себе.

В «Ниву» он пришёл поздно вечером. Усталый, Сергей решил не ходить сегодня в контору, а направился прямо к Анне Ивановне Хребтовой, у которой останавливался и прежде. Хотя уже давно стемнело, хозяйки не было дома. Дочь её, Лена, работавшая на ферме, готовила ужин. Сергей поздоровался, повесил полевую сумку на гвоздь у двери, прошёл к столу, на котором стояла лампа. Лена сердито передвигала на шестке чугунки и несколько раз прошла мимо Сергея в сени и обратно, даже не взглянув на него. Это показалось ему подозрительным. «Уж не допустил ли я в прошлый приезд какой-нибудь оплошности? Чорт его знает, на ферме тогда целый скандал получился из-за учёта молока», — подумал он и осторожно спросил:

— Что это вы не в духе сегодня, Лена?

Лампа стояла далеко от печки, и Сергей не увидел, а услышал только, как она с сердцем пихнула ухват в угол.

— Будешь тут не в духе! — сказала Лена и вышла на

свет. — Вы, что же, Юревича в председатели к нам привезли?

— Да, будем рекомендовать в председатели. А что?

— А то! — отрезала она и, махнув рукой, опять взялась за ухват. — Не зря, значит, он старых дружков подпиваивает.

— Как подпиваляет? — не понял Сергей. — Каких дружков?

— А вот на собрании увидите — каких... Тоже, нашли председателя! Тогда уж лучше старого оставить, хрен редьки не слаше.

— Да в чём дело? — встревожился Сергей. — Расскажите толком.

— Мать придёт, она вам расскажет.

... С Анной Ивановной они проговорили почти до утра. И всё-таки Сергей ещё не был до конца убеждён, не мог прийти ни к какому решению. Мысли его путались, на душе было скверно. Надо было посоветоваться с заместителем председателя райисполкома Самохиним, поговорить с самим Юревичем, повидать кое-кого из колхозников. Умывшись холодной водой, Сергей по обильной утренней росе, окольной тропкой, пошёл в деревню Юшино, где располагались контора и клуб.

Разбуженный Самохин, тучный, с припухшими глазами, на вопрос Сергея только улыбнулся.

— Это, брат, всегда так, — уверил он, почёсывая бок. — Я этих собраний провёл бог знает сколько, и редко без шума обходилось. Конечно, Платон не ангел, но кто же из нас без грешков?

— Грешки бывают разные, — сказал Сергей. — Юревича в грехах никто не обвиняет, просто говорят: председатель из него будет некудышний.

— Да уж во всяком случае не хуже других.

— А надо хорошего, настоящего выбрать, вот чего колхозники хотят.

— Это, знаешь, смотря кто говорит. Ещё когда Платон председателем сельсовета здесь работал, у него врагов достаточно было.

— Вы-то как считаете — стоящий он человек, или нет?

— Я же сказал, — не хуже других. Да мы-то при чём? Наше дело — проводить линию райкома и райисполкома, а ежели всех слушать, так тут живо с панталыку сбьют, Знаю я их, чертей,,,

Сергей не понял, каких «чертей» имел в виду Самохин, но счёл бесполезным продолжать с ним разговор. Уже с порога, на всякий случай, спросил:

— Он где, у тещи остановился?.. Там и пили вчера? С кем?

— У него тут знакомых и родственников много. Давно не видались... это уж как водится. Что же тут плохого? — Самохин пожал плечами, удивляясь, очевидно, наивности молодого инструктора.

Сергею не пришлось искать Юревича — тот сам его нашёл. Сергей только что вышел от бригадира Новожилова с ещё более раздвоенным чувством, чем после разговора с Хребтовой. Бригадир, дельный и хозяйственный человек, долго мялся и увиливал от прямого ответа, потом сказал:

— Что ж загодя решать? Собрание покажет свою точку зрения.

Юревич представлял собой тип районного работника, таких уже редко встретишь: защитного цвета полу военный костюм, хромовые сапоги, потёртый тугой портфель в руке, озабоченно-замкнутое выражение лица, свидетельствующее о постоянной занятости. Почти на ходу пожав руку Сергею, он сейчас же увлёк его за собой, и они торопливо зашагали по улице.

— Нам, конечно, следовало бы переговорить ещё в городе, но Фёдор Семёнович, надеюсь, ввёл вас в курс. Мы с Фёдором Семёновичем старые друзья, — как бы между прочим добавил Юревич, искоса взглянув на Сергея. — Он как-то быстро вырос, способный, знаете, человек, а я вот решил, что моё место — здесь. Надо же кому-то и этот воз везти...

— Воз тяжёлый, — вставил Сергей. — Что же заставило вас взвалить на себя эту тяжесть?

— Расчёт, товарищ Орехов, трезвый расчёт, — снисходительно пояснил Юревич; повидимому, в его характере было поучать молодых людей, плохо осведомлённых о тайных пружинах, двигающих жизнь вперёд. — Заметьте, никакой другой колхоз я бы не взял, а этот — возьму.

— Не понимаю.

— Поживёте с моё — поймёте. Одним словом, «Ниву» я беру. Я знаю, что делаю. Увидите, через год я буду вас принимать не в нынешней кособокой избе, именуемой конторой, а в двухэтажном особняке. Ну и, разумеется, «Победа» то-

же будет. Иначе я не мыслю себя в качестве самостоятельного, авторитетного руководителя большого хозяйства.

— М-да, — сказал Сергей, невольно замедляя шаги. — Откровенно говоря, колхозники пока озабочены тем, чтобы побольше получить на трудодень. А это значит — дать больше и государству. Как, по-вашему?

— Теоретически это, конечно, верно, — с тонкой улыбкой ответил Юревич. — Практически в «Ниве» дело обстоит проще. Вам известно, сколько километров отсюда до города? Всего восемь. А город — это прежде всего рынок, и колхозники отлично знают туда дорогу.

— Дорогу знают лодыри и врачи, — резко сказал Сергей. — В том числе и бывший председатель. Он-то, конечно, торговал не только своим добром. Но этого больше не будет. — Сергей уже не в силах был сдержать себя, говорил быстро и зло. — Нет, я не могу рекомендовать вас собранию, да, впрочем, и без того колхозники вряд ли изберут человека, которому нет оснований верить.

Лицо Юревича стало надменным. Он сунул портфель подмышку, качнулся на каблуках, спокойно и внушительно сказал:

— Мне-то верят, я пятнадцать лет на руководящей работе, а вот вам, молодой человек, райком доверять больше не будет. А с колхозниками я и без вас договорюсь. — Он пошёл было дальше, но вдруг обернулся, с прежней тонкой улыбкой добавил: — А жаль, знаете, расставаться: мы бы здесь сработались. До свиданья...

* * *

... Через день Сергей снова сидел в кабинете Лысова. Всё было то же; телефон, стол, заваленный бумагами, потёртый ковёр, даже стул, на который пришлось сесть. Но бросилось в глаза и нечто новое: кресло под Лысовым уже не скрипело, оно стояло надёжно и беззвучно, даже когда Лысов стучал по столу кулаком и всем телом опрокидывался на спинку, чтобы выслушать оправдание собеседника.

Но Сергей не оправдывался. Сначала он надеялся убедить Фёдора Семёновича, что Юревич не тот человек, который нужен колхозу, потом, потеряв эту надежду, заявил:

— Я отказываюсь вторично рекомендовать Юревича. Да это и бесполезно: колхозники не переменят своего решения.

— Я и не собираюсь посыпать вас вторично. Я спра-

шиваю: как вы осмелились выступать на собрании вопреки прямой директиве райкома? Как? Вы понимаете, чем это для вас пахнет?

— Фёдор Семёнович, я уже сказал, что считаю решение собрания правильным. Кстати, там выявились такие факты, мимо которых нельзя пройти. Если я останусь инструктором, я ими займусь.

— Думаю, что не останетесь, — усмехнулся Лысов и положил тяжёлую руку на рычаг телефона. — Пройдите к первому секретарю, я предупрежу его.

Сергей вышел. За пять минут, которые он просидел в приёмной, созрело решение: «Попрошу перевода в другую зону. Лысов, конечно, не будет удерживать».

Затем его пригласили в кабинет. Сергей лишь однажды, перед своим назначением, беседовал с первым секретарём и ещё не составил определённого мнения о нём. Он показался тогда Сергею несколько сухим, запомнилось лишь его крепкое рукопожатие. Не успел Сергей присесть, как секретарь, тоже привстав, сказал:

— Итак, Юрьевич не избран. Это урок для нас. Я только что поразобralся в его биографии. Удивляет, прежде всего, близорукость Лысова, но это не снимает, разумеется, ответственности и с меня. На бюро мы сделаем соответствующие выводы. Садитесь. — Секретарь тоже сел, облокотился на стол, лукаво прищурился. — Говорят, вы рьяно доказывали непригодность Юрьевича. Вас поддержали, значит, вы были правы...

— Поддержали не все, — заметил Сергей.

— Это естественно, иначе Юрьевич не был бы столь самоуверенным. Но вот что плохо: Юрьевича вы отвергли, а взамен никого не предложили. Между тем колхозники прямо называли одного человека.

— Ермакова. Да, называли. Я хотел с ним познакомиться, но пришлось спешить сюда. Народ о нём хорошо говорит, надо узнать, что скажет он сам.

— Правильно. Мы вот как сделаем: вы поедете в «Ниву», ваше присутствие там необходимо, а завтра я привезу туда Ермакова. Покажем ему хозяйство, познакомим с людьми, посоветуемся. Идёт? Какие ещё будут вопросы?

Сергей вспомнил о своём решении просить перевода, вспомнил Лысова и твёрдо сказал:

— Вопросов нет. Еду.
